

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОБОЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ им. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Диалог культур и цивилизаций

Материалы XIII Всероссийской научной
конференции молодых исследователей

16–17 марта 2012 г.

Тобольск, 2012

ББК 63.3(0) -7
Д 44

Печатается по решению редакционно-издательского
совета ТГСПА им. Д.И. Менделеева

Д 44 Диалог культур и цивилизаций: Материалы XIII Всероссийской научной конференции молодых исследователей. – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012. – 178 с.

В сборнике опубликованы материалы докладов участников XIII Всероссийской научной конференции молодых исследователей, проходившей на базе ТГСПА им. Д.И. Менделеева 16–17 марта 2012 г. В работе конференции участвовали студенты, аспиранты, преподаватели и сотрудники вузов городов Урала, Сибири и других регионов (Барнаул, Екатеринбург, Ижевск, Курган, Кемерово, Нижневартовск, Нижний Тагил, Оренбург, Пермь, Тобольск, Тюмень, Шадринск).

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание представленных материалов редакционная коллегия ответственности не несет.

Редакционная коллегия:

Е.В. Боркова, О.И. Еремеева, О.В. Конева, М.Ю. Лаптева, Л.В. Останина, Г.К. Скачкова,
С.В. Сотникова, Л.Н. Сулова, И.В. Яркова.

ISBN 978-5-85944-130-4

© Исторический факультет ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012

© ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2012

5. МГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 355. Оп. 1. Д. 1075.
6. МГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 355. Оп. 1.
7. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/182150>, свободный.
8. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935–1940. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/972406>, свободный.

Е.О. Бондарева
Удмуртский госуниверситет, соискатель

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ: ОТ ЧАСТНЫХ ПОДХОДОВ К ЕДИНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Если сравнивать историю с цеховым ремеслом, о чем писал еще Марк Блок, то ящиком с инструментами ремесленника выступает именно методология [2, с.15]. Метод является той гранью, которая отделяет просто «всезнайка» от науки. Поэтому ученому необходимо знать не только свою науку и историю ее изучения, но и тот путь (греч. *methodos* – путь познания), который приведет к получению нового знания. Но если этот «путь» состоит из множества перепутанных троп, выйти к конечной цели ученому будет очень непросто.

Именно такой видится нам ситуация, сложившаяся в отечественной исторической науке с дисциплиной, которая для удобства будет обозначена в данной статье как «экологическая история». Проблема является не только абстрактно-теоретической, но и насущной, так как преподается в некоторых вузах России. Например, существует курс «Историческая экология», методические указания к которому изданы в 2003 г. в Волгоградском государственном университете [9]. Более того, в мае 2011 г. в Санкт-Петербурге состоялся Международный круглый стол по экологической истории, проведенный при активном участии Центра экологической и технологической истории Европейского университета в Санкт-Петербурге [7].

В отечественной науке не существует единой терминологии: в литературе можно встретить понятия «историческая экология» и «экологическая история», «гуманитарная экология» и «социальная экология», «политическая экология» и т.д. Зарубежная наука использует устоявшийся термин «*environmental history*», что в дословном переводе означает «история окружающей среды». В русском же языке с середины 80-х гг. XX в. прижилось слово «экология», которое стоит понимать в самом широком его смысле – как науку о взаимоотношении живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой.

В первой четверти XX в. понятие «экология», впервые введенное учеником Дарвина Эрнстом Геккелем в 1866 г., выходит за рамки физиологии и биологии, проникая в сферу социологии, биогеографии, антропологии [10, с. 80]. Но только в последней четверти прошлого века ученые вплотную подошли к тому, чтобы объединить экологические знания и гуманитарные науки: экологическая обстановка в мире достигла той критической точки, когда замалчивать проблемы стало невозможно, а политическая ситуация складывалась благоприятно для придания их огласке. Одной из первых ласточек алармизма в нашей стране стала работа «Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира» И.П. Герасимова, вышедшая еще в 1985 г. В ней экология рассматривается как общенаучный подход, ставится вопрос об использовании экологических понятий в современной науке. Диалектический материализм, господствующий в методологии тех лет, диктовал свои условия, однако выводы, сделанные на его основе, весьма позитивны: «Вопросы использования живой природы обществом и воздействия последнего на природную среду и ее обитателей не могут быть исключены из экологии в любом смысле этого слова» [3, с. 13]. В чем же состоит экологический подход? По мнению автора, он состоит в выявлении и исследовании связей, существующих между изучаемым той или иной наукой объектом и окружающей его средой. В своем же практическом приложении данный подход должен базироваться на знаниях разных наук (географии, социологии и т.д.).

После трагических событий в Чернобыле в апреле 1986 г. экология стала одной из самых актуальных наук. В большом количестве появляются труды на соответствующие темы. Это подхлестнуло интерес к экологическим проблемам прошлого. Одной из первых стоит назвать вышедшую в 1987 г. работу «Экология, цивилизация, ноосфера». Ее автор, Ф.И. Гиренко, считает, что нет оснований выделять абстрактный «экологический объект», не зависящий от человека [4, с. 15]. Собственно экологическое знание нельзя рассматривать отдельно от человека, потому что он не просто занимает в сложившейся экологической ситуации определенное место, он сам ее создает. Отношение человека к природе, которое зависит от условий его социально-экономической жизни, в свою очередь, определяет способы преодоления кризисных экологических ситуаций. Далее, Ф.И. Гиренко ставит проблему создания такого понятийного аппарата, который не разрывал бы экологию на рефлектированную (погруженную в мир культуры) и натурную (погруженную в мир природы) части, а воспроизводил бы ее содержание всесторонне, как проект человеческой деятельности.

Методологические основы исторической экологии изложены в работе географа и историка науки И.М. Забелина и геолога, специалиста в области философских вопросов естествознания и экологии И.В. Круть «Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества». Этот труд представляет собой экскурс в историю экологической мысли с древности до первой половины XX в. Труд содержит обстоятельный анализ каждого этапа взаимоотношений общества и природы на основе значительного круга источников. Большую ценность имеет вводный раздел, где даются два определения: экологической истории и истории экологии. Первая дисциплина призвана реконструировать, отобразить в научном знании эволюцию материального взаимодействия природы и человечества, для чего необходимо обработать огромный

эмпирический материал – археологический, палеогеографический, собственно экологический [5, с. 12]. Главный призыв авторов в условиях угрозы «самому существованию жизни и разума на нашей планете» – немедленное создание экологической теории, которая должна будет установить полноценный контроль над экологической практикой. История экологии – это история теорий экологической проблематики. Ее объект – рефлексия взаимоотношений природы и человечества в развитии философской, естественнонаучной, социологической мысли [5, с. 13]. Это, если так можно выразиться, есть историография исторической экологии. Однако авторы предостерегают нас от ошибочной оценки истории экологии как неглубокой, описательной дисциплины. История экологии имеет одну значительную сложность – в понимании взаимодействующих объектно-предметных слоев исследования, когда его объектом, по сути, становится идеальный мир экологических представлений, фактов, теорий, ибо это метанаука, знание о знании, уровень абстракции. Подведение такой методологической базы – серьезный шаг в сторону утверждения исторической экологии как самостоятельной дисциплины.

Следующим крупным шагом в дискуссии о месте экологии в истории стала публикация серии исследований «Древний мир: проблемы экологии», которую в середине 1990-х гг. проводил на своих страницах «Вестник древней истории». В рамках этого проекта были затронуты самые различные стороны исторической экологии древнего мира: демография, историческая география, аграрная история. Само появление такого проекта говорит о важности проблемы и популярности ее среди ученых, как отечественных, так и зарубежных. Серия публикация была открыта во втором номере 1994 г. статьей оксфордского ученого О. Меррея «Экология и аграрная история Древней Греции», рассказывающей о возникновении симбиоза истории и экологии, а также о том, что сегодня понимается под словосочетанием «экология античности» и в чем ее слабости и преимущества перед аграрной историей [8, с. 87–96]. Экологию он использует в обязательном синтезе с аграрной историей, так как «изучение экологии древнего мира является не какой-то новой дисциплиной, использующей новые методы, но развитием прочно укоренившегося направления исследований и предполагает скорее приспособление уже имеющихся приемов анализа к современным интересам, нежели создание новой науки» [8, с. 89]. В доказательство О. Меррей приводит работу своего манчестерского коллеги Роберта Саллареса, выпустившего книгу «The Ecology of Ancient Greece» в 1991 г. Несмотря на вынесенную в название проблему – экологию Древней Греции – в книге идет речь о традиционных для историков древнего мира вопросах: демография и зерновые ресурсы Аттики. Впрочем, О. Меррей не отказывает экологии в значимости для социальных наук: она дает возможность использовать все категории данных и приемы исследования. Однако и в этом преимуществе есть свои подводные камни. В упомянутом цикле статей словосочетание «историческая экология», равно как и «экологическая история» не встречается, вместо этого используются осторожные выражения «экологическая тематика», «нетрадиционное историческое направление». Не встретить специальной терминологии и в работах авторитетного историка С.Г. Карпюка, специально занимающимся исследованиям по климату древней Эллады [6].

В 2008 г. вышел в свет сборник статей «Человек и природа: экологическая история», открывающийся статьей Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера и Ю. Лайус «Экологическая история: введение» [1, с. 8–20]. Вынесенное в название статьи понятие ее авторы считают наиболее адекватным и удобным переводом зарубежной «environmental history». Признавая за экологической историей роль самостоятельной дисциплины, авторы, тем не менее, сетуют на ее неоднородность: в работах по экологической истории объект исследования может различаться [1, с. 10]. Исторической экологии же предписывается проблематика развития экологических процессов и систем в историческом аспекте. Она во многом схожа с исторической географией, только рассматривает не ландшафт, а экосистемы [1, с. 11].

Кроме позиции авторов, статья «Экологическая история: введение» ценна еще и тем, что знакомит нас с дискуссиями, ведущимися в зарубежной исторической науке. Так, Джон МакНилл предлагает разделить экологическую историю на три субдисциплины. Материальная экологическая история должна отвечать за экономическую и техническую стороны взаимоотношений человека и природы; культурная (интеллектуальная) экологическая история – изучать образы природы в разных обществах в тот или иной период времени; политическая экологическая история – рассматривать законы и политику государств по отношению к природе в разные исторические периоды. Действительно, такое деление было бы довольно удобным, ведь под первые два толкования может попасть довольно широкий круг проблем. Однако материальная экологическая история, скорее всего, и есть историческая экология, а объект интеллектуальной экологической истории совпадает с объектом собственно экологической истории, о чем говорится всего страницей выше [1, с. 12–13].

Итак, постепенно за нагромождением терминологии нам открывается следующая картина. Историческая экология – дисциплина, находящаяся «под крылом» естественных наук – от собственно экологии и биологии до географии и климатологии. В Уральском государственном университете, на кафедре экологии, читается спецкурс под названием «Историческая экология». Его изучение сопровождается циклом практических занятий, которые ведутся на базе филиалов кафедр экологии и зоологии биологического факультета в Институте экологии растений и животных УрО РАН [11, с. 84–98]. Человек в исторической экологии фигурирует как антропогенный фактор в развитии экосистемы. Вотчиной историков же следует считать экологическую историю. В центре ее внимания – общество в его взаимодействии с окружающей средой, где последняя выступает как интерес и цель человеческой деятельности [1, с. 12].

Так что же такое экологическая история? Несомненно, это новая ступень развития проблемы «общество-природа», которая перестала вмещаться в рамки истории. Но так ли необходимо понятие, готовое включить

себя нужные историку естественнонаучные темы, не меняя при этом объекта исследования? По меткому замечанию О. Меррея, «изучение экологии древней Греции – это обширнейшая область, границы которой размыты практически в каждой точке, а круг возможных источников ... почти не ограничен» [8, с. 93]. Это высказывание можно смело применять к исследованиям по экологии любой исторической эпохи. Однако потребность в экологической истории существует, а значит становление ее методологии – это лишь вопрос времени. В историческом масштабе экологическая история в России находится еще в младенческом возрасте, а значит в силах каждого ученого, стоящего у ее истоков, внести свою лепту в эту дискуссию.

1. Александров Д., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. Экологическая история: введение // Человек и природа: экологическая история. СПб., 2008.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
3. Герасимов И.П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М., 1985.
4. Гиренок Ф.И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987.
5. Круть И.В., Забелин И.М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества. М., 1988.
6. Карпюк С.Г. Снежные парасанги: зима и зимние холода в сочинениях Ксенофонта Афинского // Мнемон. Вып. 5. СПб., 2006; Климат и цивилизация: пример Древней Греции // Природа, 2010. №6; Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М., 2010.
7. Лайус Ю.А. Международный круглый стол по экологической истории. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slon.hse.spb.ru/novost/items/mezhdunarodnyj-kruglyj-stol-po-ehkologicheskoj-istorii>
8. Меррей О. Экология и аграрная история Древней Греции // Вестник Древней Истории, 1994. №2.
9. Порох А.Н. Историческая экология: Методические указания для студентов, обучающихся по специальностям «История» и «Регионоведение и международные отношения». Волгоград, 2003.
10. Салларес Р. Экология Древнего Мира: проблемы и подходы // Вестник Древней Истории, 1995. №3.
11. Смирнов Н. Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем // Известия Уральского государственного университета, 2002. №23.

У.Е. Головачева

Департамент «исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств
Уральский федеральный университет, аспирант

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ И КЛАССИФИКАЦИОННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ XV–XVI вв. В СИСТЕМЕ РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В теоретико-методологических и источниковедческих работах уже неоднократно подчеркивалась важность такой исследовательской процедуры, как классификация источников [7, с. 122]. Именно определение положения источников исследования в классификационной системе помогает историку подобрать оптимальные методы работы с источниковой базой исходя из видовой специфики изучаемых источников.

Разработка проблем, связанных с созданием четкой классификационной системы письменных источников по российской истории, ведется начиная со времен В.Н. Татищева [13, с. 136]. По мере нахождения и публикации новых источников по российской истории начинают развиваться и частные разделы источниковедения. Так, например, деятельность Археографической комиссии в XIX–XX вв. по сбору и публикации источников по истории русского средневековья, а так же изучение ее членами фондов местных и центральных архивов Российской империи, в значительной степени стимулировало развитие актового источниковедения или дипломатики. В тоже время, не смотря на почти полутороветковую историю изучения актовых источников, в советской, а затем и в российской дипломатике есть ряд нерешенных проблем.

К одним из самых спорных вопросов российской дипломатики можно отнести, во-первых, вопрос об определении понятия акта как объекта исследования этой дисциплины, и, во-вторых, тесно с ним связанную проблему классификации русских актов X–XVII вв. В последней по времени работе, посвященной основным проблемам русского актового источниковедения, подготовленной С.М. Каштановым и ставшей основой для разработки ныне действующих правил издания русских средневековых источников [4], объект дипломатики – акт – понимается в самом широком смысле этого слова, как любой документ [5, с. 11–12; 153]. В тоже время, при переходе к проблемам классификации актовых источников автор использует свои предыдущие наработки [3, с. 9] и причисляет к актам только источники договорного вида и близких к ним смешанного характера [5, с. 149; 226]. С.М. Каштанов не отказывается и от ранее предложенного деления актов на группы в зависимости от их происхождения и статуса адресантов и адресатов [5, с. 149]. В целом его классификационная схема выглядит следующим образом: все акты разделены на 3 большие группы – публично-правовые, публично-частные и частные акты. Первая группа – публично-правовые акты – разделена на 2 подгруппы: акты светских властей и акты церковной власти. Внутри этих трех основных групп автор выделяет виды актов в зависимости от характера договорных отношений между адресантом и адресатом: акты договорного вида, договорно-законодательного, договорно-распорядительного и т.д. [5, с. 150–152]. Затем эти виды актов распадаются на различные разновидности. Дополнительно С.М. Каштанов выделяет еще 3 больших группы, отмечая при этом, что в них входят «некоторые документы неактового характера» [5, с. 153]: это делопроизводственные документы, частно-публичные документы и частные письма. Внутри этих групп так же идет деление на виды в зависимости от отношений между адресантом и адресатом, затем в группах аналогично выделяются разновидности [5, с. 154].

При всей логичности и последовательности классификации русских актов С.М. Каштанова, она имеет ряд недостатков, которые проявляются в процессе применения этой классификации в рамках конкретного